

САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА

2027

Составитель Парфенов М. С.

Москва
Издательство АСТ
 АСТРЕЛЬ СПб

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
С17

Серийное оформление: *Юлия Межова*
В оформлении обложки использована иллюстрация
Валерия Петелина

ISBN 978-5-17-191254-3

© Авторы, текст, 2026
© Парфенов М. С., составление, 2026
© В. Петелин, ил. на обл., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ВАЖНОЕ УВЕДОМЛЕНИЕ

Формально составителем этой антологии указан Парфенов М. С. — на деле же он и другие люди, включая редактора «Астрель-СПб» Ирину Елифанову и Координатора отбора Ирину Парфенову, лишь организуют сам процесс, помогая настоящим составителям — из народа.

Каждый год собирается группа добровольцев, которые читают сотни присланных в ССК историй и голосуют за те, которые им понравятся. Каждый наш ежегодник собран по итогам таких голосований.

Так что настоящими составителями (так называемой таргет-группой) этой антологии являются:

АЛЕКСАНДРА ВОРОНИНА

(Московская обл., пос. Горки-10)

АЛЁНА КИРЧАНОВА (г. Санкт-Петербург)

АНАСТАСИЯ КОЛОКОЛЬЧИКОВА

(Московская обл., г. Домодедово)

АНГЕЛИНА ТОЛОЧКО

(Краснодарский край, п. Незамаевский)

АНДРЕЙ РОМАНОВСКИЙ (ОАЭ, г. Дубай)

АННА МЕДВЕДЕВА (г. Москва)

АННА САЛАМАТОВА

(Республика Удмуртия, г. Ижевск)

ВАЛЕНТИНА БАРИНОВА (г. Тверь)

ВАЛЕРИЯ ГРИЦЕНКО (Калужская обл., г. Обнинск)

ВАСИЛИЙ ЛЕЙМАН

(Московская обл., г. Высоковск)

ВИКТОР ГОФМАН

(Республика Казахстан, г. Караганда)

ВИКТОР МАКОЕД

(Республика Адыгея, г. Майкоп)

ВИКТОРИЯ ГРИЩЕНКОВА

(Московская обл., г. Пушкино)

ВИКТОРИЯ СУРОВА

(г. Москва, р-н Вороново, пос. ЛМС)

ДЕНИС КОЗЛОВ (г. Рязань)

ДМИТРИЙ ПЕТРОВ

(Свердловская обл., Краснотурьинск)

ЕВГЕНИЯ БЕСШАПОШНИКОВА (г. Москва)

ЕВГЕНИЯ КЛИМОВА (г. Иваново)

ЕВГЕНИЯ КУЧЕРЕНКО (г. Санкт-Петербург)

ЕГОР КОРОБЕЙНИКОВ (г. Владимир)

ЕЛЕНА ДЕМИДОВА (Норвегия, Ålgård)

ЕЛЕНА РАЗУМОВА

(г. Москва, р-н Вороново, пос. ЛМС)

ИВАН КЕДРОВ (г. Москва)

ИЛЬЯ СТАРОВОЙТОВ (г. Курган)

ИРИНА БЕРДИНСКИХ

(Пермский край, г. Чайковский)

ИРИНА РУДАКОВА (г. Нижний Новгород)

ИРИНА ТОПУНОВА

(Московская обл., г. Подольск, г. Москва)

КРИСТИНА НОВАКОВА (г. Томск)

КСЕНИЯ АГАФОНОВА

(Республика Беларусь, г. Витебск)

ЛЮДМИЛА КШЕВИНСКАЯ (г. Москва)

МАРГАРИТА СЕМЕНОВА

(Алтайский край, г. Барнаул)

МАРИНА ЛАПЫШЁВА (г. Ульяновск)

МАРИЯ САРОСЕК (г. Красноярск)

МИХАИЛ ПОГРЕБНОЙ (г. Краснодар)

НАТАЛИЯ ТУРЯНСКАЯ

(Свердловская обл., г. Екатеринбург)

НАТАЛЬЯ КУЧЕРОВА (г. Кемерово)

ОКСАНА КАЛАКУН (г. Оренбург)

ОКСАНА ПАМПУШКО (г. Москва)

ОЛЬГА ХРАПОВА (г. Ставрополь)

ПАВЕЛ ШАРАПОВ (г. Москва)

САША ПРОХОРОВА (г. Москва)

СЕРГЕЙ ВОРОНКОВ

(Республика Марий Эл, г. Йошкар-Ола)

СЕРГЕЙ МАЛЫЦЕВ (г. Москва)

СЕРГЕЙ ОКЛАДНИКОВ (Украина, г. Днепр)

ТАТЬЯНА ДЕМИНА (Московская обл., г. Видное)

ТАТЬЯНА РЫБАЛКО (г. Санкт-Петербург)

ТАТЬЯНА ХАДАНОВИЧ

(Республика Беларусь, г. Минск)

ТАТЬЯНА ЯСИНОВСКАЯ (г. Санкт-Петербург)

ФИЛИПП ГЕРАСИМЕНКО

(Ставропольский край, г. Невинномысск)

ЮЛИЯ ОРЛОВА (г. Смоленск)

ЮРИЙ КАРПОВ (г. Москва)

ЯНА АКСЕНОВА

(Рязанская обл., р. п. Шилово)

Спасибо им за труды!

А еще каждый год таргет-группа обновляется. Кто-то выбывает, кто-то, наоборот, приходит «на новенького». Каждый год мы экспериментируем, совершенствуя нашу систему отбора для того, чтобы подарить вам очередную «самую страшную» книгу.

Мы называем наши издания так не потому, что считаем их действительно САМЫМИ страшными из всех. Мы называем их так потому, что ЛЮБОЙ читатель найдет здесь что-то, что ему понравится. Таковую историю или истории, которые напугают персонально его.

Персонально ТЕБЯ.

ЯНА ДЕМИДОВИЧ ДУРНОЕ ГНЕЗДО

...Красного зверя папенька всегда принимал сам. Не признавал помощи ни стрелянного, ни борзятников. Спрыгивал с разгоряченного скачкой, горбоного Цыгана, победно скалился и, все убыстряя шаг, шел вперед, держа на отлете руку с фамильным кинжалом.

Проше никак не удавалось уловить миг, когда папенька кидался на затравленного борзыми лобана — прямо на могучую серую спину, где уже алели первые кровавые брусничины. Спертое в груди дыхание, удар сердца — и волк, этот громадный, матерый хищник, бросал ощёлкиваться, испуская жуткий предсмертный хрип, а полено-хвост прекращал метаться. Ведь кинжал, вонзенный под левую лопатку, не знал промаха.

Вот и на этот раз все случилось, как прежде. И, как прежде, презрительным был взгляд, которым папенька, встав на ноги, точно арапником, хлестнул своего застывшего поодаль наследника.

«Ты-то так никогда не сможешь. Сопляк бесхребетный. Весь в маменьку. Тьфу!» — говорил этот взгляд, отчего становилось и холодно, и тошно. Пальцы, эти «сахарные пальчики», которые так любила целовать нянька Авдотья, начинали неистово трястись, а пушистые девчоночьи ресницы — дрожать, тщетно пытаясь удержать в глазах кипятки постыдной влаги.

Проша моргал, морщился, поспешно отходил, чтобы спрятаться за веселого псаря, отвлечься на бойкую гончую, приласкать уставшую борзую... Но испорченное настроение могло улучшиться лишь дома. Здесь же он все равно казался чужим. Почти девочкой, что нахально посмела напялить костюм барчука.

«Весь в маменьку».

То была правда, и правда святая. Проша многим походил на мать: глазами, волосами, тонкостью рук и стана. Не было в нем той медвежьей могуты, темной волосатости и властности, отличавших отца. Не было и страстной любви к охоте.

Проша вздохнул, вспомнив, как маменька ненавидела это барское дело. Как плакала, завидев собак, порванных и зарезанных волком, погибших от медведя или кабана. Однако на пирах, как и все, ела пироги с зайчатинной, угощалась рябчиками в сметане — тихая, бледная... Сама ела, как птичка. Надломленная тростинка, заиндевелая веточка рядом с дубом-отцом.

Ее не было с ними уж половину года, и Проша никак не мог с этим смириться. И делать вид, что наслаждается травлей, как отец, становилось все сложнее.

Нахохлившись, Проша сидел на бархатном стульчике перед зеркалом и тренировал в себе терпение. Пытался, как взрослый муж, сносить не очень приятную, но обязательную утреннюю процедуру.

— Потерпи, потерпи, барин, — лыбясь во весь рот, приговаривала его молодая, еще незамужняя нянька. Блестела хитрющими, зелеными, как у кошки, глазами. — Вот расчешу кудельки твои золотые, спутанные — получишь пряник...

Знаменитого пряника хотелось не особо. То ли переел на днях, то ли не тот настрой. Однако обижать Авдотью, великую пряничных дел мастерицу, было совестно. Как ей откажешь? Ведь начнет причитать, упрасивать. Расхваливать, какие мед и повидло спрятали внутри...

Да. Авдотьиными пряничками не брезговал лакомиться и папенька. Даже маменька, уже захворав, продолжала с удовольствием их кушать.

Взглянув на свое отражение, Проша свел брови к переносице. Попытался стать суровей. Заметив это,

нянька прыснула и захохотала в голос — чуть костяной гребешок не уронила.

— Херувим сердится! Это ж надо! Ой насмешил!..

— Не смейся, — буркнул Проша. — Какой я тебе херувим?

— А вот такой! Медовый-сахарный, самый-самый лучший! — тут же заластилась нянька, тиская его в объятиях.

Вроде не маленький уже, восьмой год на носу — а все туда же. Сюсюкает, как с младенчиком. А ведь маменька, жива была, говорила, что скоро гувернера наймет, чтобы сынок наукам-языкам обучался, чтобы с ним боле не нянькался никто...

«Видно, забыл про это папенька, — поморщился Проша. — А может... Может, не хочет? Считает, не надобно?»

От мысли этой стало горько.

Но невеселые думы развеял звонкий голос Авдотьи, наконец довольной своей работой:

— Ах загляденье! Вот вырастешь скоро, барин, — всех девок перепортишь! С такими-то личиком да волосами!

— А?.. — Проша поднял на нее непонимающий взгляд, однако нянька лишь развеселилась пуще прежнего, вручила липкий пряник, пахнувший медовым разнотравьем, и сказала, что теперь он волен идти куда хотел. Только чтоб не убегал далеко.

Вот Проша и встряхнулся по-песьи. Да побежал во двор.

...Крепостные дети играли в жмурки: визг, писк, задорная беготня! Старшак, Илейка, прытко гонялся за младшими, повязав на глаза несвежий платок. Дергался на смех, на хлопки ладошек; вставал, забавно поводя носом, и вновь бросался ловить.

— Не поймаешь, не поймаешь! Бе-бе-бе! Ме-ке-ке!

— Ух я вас!..

Проше отчаянно хотелось присоединиться. Влиться в гущу босоногих сверстников, подразнить Илейку...

Но это было нельзя. Совсем нельзя.

Вот и оставалось сидеть за углом сарайчика, в кустах, будто охотник в скрадке. Тереть нос, чтобы не чихнуть.

— Попался! Ать!

Илейка сцапал одного из мальчишечек и сорвал надоевшую тряпку с лица.

— Все, хватит с вас, — бросил он. — Наигрались!

— Ну, Илейко! — тотчас заныли вокруг. Стали цепляться за его руки. — Ну хоть сказочку расскажи!

— Сказочку! — фыркнул Илейка и, помедлив, все же смиростивился: уселся на завалинку, дождался, пока верные слушатели пристроятся ближе. Начал говорить: — А расскажу. Сказку не сказку, но историю. В некотором царстве, в некотором государстве... Пришел однажды в село подвывала Бирюк.

— Подвывала? А кто это?

— Знаю, знаю! Он волков приманивает! Встанет на горку повыше — да как заголосит!..

— А зачем?

— Ясно зачем! Чтоб волка обмануть, к барину привлечь. А тот уж его собаченьками...

— Молчать! — гаркнул Илейка. — Ишь, умники. Может, сами все расскажете?

— Прости, прости!

— Так вот... Был Бирюк тощ и высок. Нелюдим был, неприветлив. Да лишь увидит малого дитя — тут же улыбаться начнет. Хищно так, широко... по-волчьи.

Илейка осклабился перед тем, как продолжить. Две девочки вздрогнули и съежились.

— А потом ребятки начали пропадать. Один ребяенок пропал, второй... А там уж и десятый. На селе бабий вой стоит, мужики по лесам с верными псами шастают, найти никого не могут... Только Бирюк, довольный, улыбается. Мотню все почесывает. Да в зубах передних ногтем грязным ковыряет...

— Он это? Он, душегуб!

— Сожрал бедняжечек?!

— Сожрал, — легко согласился Илейка и злодейски выдержал томительную паузу. — А может, и не только

сожрал. Ведь нашли одного мальчонку, семилетку, Христом Богом спасенного. Он умом-то, видать, от потрясения чуток тронулся, но на лиходея твердой рукой указал. Говорил все про страсти ужасные, рыдал и волосья свои седые, стариковские, с корнями выдираал...

Несколько ребят заплакали. А кто-то из наиболее смелых спросил:

— Врешь ведь все, Илейка? Пугаешь?

— Не вру. Вот те крест! — ответил тот, и теперь все дети ошарашенно застыли. — Был на свете такой детоубийца. Многих в разных местах погубил, мне тяткин друг сказывал. Говорил, Бирюк и своего ребенка, кровинку собственную, не пожалел. Лютый был. Не человек — зверь!

— Какой такой зверь? — вдруг громко и весело спросил знакомый голос.

«Василий!»

От радости Проша зайцем выскочил из кустов и, конечно, тотчас оказался замечен: одни взвизгнули, другие ахнули, третьи принялись кланяться барчуку.

— Ох ты. И Прохор Петрович тут! — усмехнулся Василий, а его пес, багряный Молчун, дружески завилял хвостом, по-своему приветствуя.

Впрочем, не все были столь счастливы Прошиному появлению.

Илейка вот скривился, будто клюкву без меда съел, и вдруг — Проша чуть не присел от удивления — скорчил ему рожу: глаза к носу в кучку и язык до подбородка. Мол, вот тебе! Не хочу кланяться и не буду! Много чести!

— Чего творишь, дурилка? — вроде беззлобно, но с легкой тревогой ругнулся Василий, отвесив насмешнику подзатыльник.

Илейка не ответил: зыркнул исподлобья волчонком и пустился бежать. Вслед за ним, сверкая голыми пятками и лапотками, бросились другие дети.

— Не обижайся на него, барин, — попросил Василий. — Не со зла он. От глупости.

Проша кивнул, глядя на него во все глаза. Губы непроизвольно расплзались в улыбке. А как тут не

улыбаться? Жарый волосами, неунывающий Василий всегда улучшал его настроение. Будто красное солнышко, что проглядывает из-за свинцовых туч, обдавал летним теплом. Ободрял и хранил в себе кладезь историй о собаках и не только — ведь не зря работал одним из выжлятников, псарём по гончим.

— Вот ты где!

Проша аж подпрыгнул: нянька как из-под земли выросла.

— Говорила же: далеко не убегать! Погибели моей хочешь, сахарный? — заохала Авдотья, квочкой хлопоча вокруг воспитанника.

Василий, заслышав это, фыркнул, и нянька тут же вскинулась, на щеках ее заалели два яблока:

— А ты чего?! Фыркает он, тоже мне, жеребец выискался!

— Лучше уж жеребцом побуду, чем глупой курицей. Сахарный, медовый, ко-ко-ко!

— Ах ты!..

На памяти Проши эти двое никогда не ладили. Вечно цап да цап. Молнии из глаз друг в дружку. Но, случалось, Авдотья смотрела вслед рыжему псарю как-то странно: то губу пухлую закусит, то косу смоляную поглаживает... Правда, такого уж давненько не было.

— Нянюшка, можно я с Василием и Молчуном побуду? Щеночков посмотрю, в поле с ними схожу? Можно? — чуть ли не по-щенячьи глядя снизу вверх, попросил Проша.

Обычно этого хватало, чтобы Авдотья смягчалась.

— Щеночков, значит... — вздохнула нянька.

— Ага. Пожалуйста-пжалуйста!

Нянька вздохнула еще тяжелее, и Проша понял, что победил. Не впервые просился, ходил уже с выжлятником.

— Добро. Иди, раз надо. Все равно Петр Пахомыч уехал, к себе не позовет, — пробормотала Авдотья и почему-то погрустнела.

«Ей-то чего грустить? Папенька меня уж давно на разговоры не приглашает...» — подумал Проша

и быстро отогнал невеселую мысль. Почти целый день с Василием!..

«Ура!»

Повздыхав, хотя больше для виду, нянька ушла. Проводив ее взглядом, Проша заметил пробежавших мимо девочек в рубашонках и, вспомнив непонятное, спросил:

— Она сказала, что я всех девок перепорчу. Ну, когда вырасту... А зачем их портить? Девочек-то?

Выжлятник странно поперхнулся. Потом откашлялся и произнес:

— Экая глупость! Ты Дунькины бредни не слушай: она все бабьей снастью думает. Забудь. Плюнь да разотри.

Проша клятвенно пообещал так и сделать.

В осеннем поле было радостно, дышалось легко. И больше всего на свете хотелось бегать, просто бегать наперегонки вместе с Молчуном, видеть белозубую улыбку Василия и визжать от восторга, словно девчонка.

Вот Проша и визжал, не стесняясь, что кто-то услышит. И, пожалуй, впервые за много дней чувствовал себя поистине свободным.

Конечно, перед этим они с Василием повидали щенков: веселых, крепеньких гончих, колобков, что еще не обрели взрослую сухость. Славные, они тыкались мордочками в Прошины ладони, ища ласки и лакомств. И до чего весело было готовить для них еду! Крошить хлеб в бульон и молоко, рвать мягкие волокна говядины! И потом смотреть, как щенки насыщаются, виляя хвостиками!

— Радуешься, барин? — с улыбкой спросил Василий и вновь далеко-далеко бросил Молчуну вязаный мячик, полный гречневой крупы. — Вот и правильно. Когда радостен, все ведь получается. И с собаками вернее ладишь... Это как хозяйка — в хорошем настроении

любое кушанье лакомым приготовит, зато в плохом — чуть не отраву подаст!

Василий много чего говорил: про окрас гончих и борзых, что значит «багряный», а что — «муругий», про то, как и когда на охоте кричать собаке: кому — «У-лю-лю», а кому — «Ар-ра-ра»... Рассказывал, что у псов есть свои гнезда, фамилии — хорошие и дурные... И что дурно обращаться с ними нельзя. Нельзя ломать и бить, поступать жестоко, супротив их воли. С любой тварью божьей нельзя! А вот...

— А вот тятка твой... — внезапно сказал Василий, почему-то перестав улыбаться.

И осекся, видимо, передумав рассказывать.

— Что? — тоже потеряв улыбку, тревожно спросил Проша.

Выжлятник не ответил. Рассеянно потрепал по голове вернувшегося Молчуна, вильнул взглядом куда-то в сторону.

— Не любишь его, да? — прошептал Проша, и Василий, дрогнув, посмотрел прямо ему в глаза. — Он ведь...

Проша запнулся, прежде чем вымолвить то, что давно чувствовал и знал:

— Недобрый, да? Плохой барин?

Выжлятник вздохнул:

— Не плохой. Просто... обнакновенный... Как все.

— Все?.. — пролепетал Проша.

— Да. Делает, что хочет, в своем барском праве, — непривычно помрачнев, ответил Василий и двинулся с места широким шагом.

Проша припустил за ним, стараясь не отставать.

На солнце набежали тучи, поднялся противный свистун-ветер. Василий, стремительно шагая, продолжил, словно в беспамятстве, цедить злые слова:

— Глафиру, еще пятнадцати не было, подарил тому старому стервецу. Знал ведь, что на лютую погибель отдает, в серальки... Степана, кормильца единственного, в карты проиграл... Три семьи — три! — за новую борзую продал... Никого не жалко. Никому!

Василий задохнулся, но шага не сбавил. Продолжил, уже почти рыча:

— Ну, ничего. Рано иль поздно, а царь Александр даст свободу... А не даст — народ нового Пугачева родит, с лучшей долей! Сами волю свою возьмем, своими же руками. И все эти баре, все эти клятые, одинаковые, жестокие...

— Я не жестокий!..

Василий споткнулся. И — по лицу видно — только что понял, где он и с кем. А по щекам Проши уже вовсю текли горячие слезы.

— Я барин, но не таков!

— Конечно, не таков, что ты, что ты... — Присев рядом на корточки, Василий обеспокоенно погладил его по плечу. — Я просто...

— Вырасту, стану хозяином — я сам вас отпущу! Всех людей! И тебя, и Авдотью, всех-всех-всех! — хлюпая, морщась, горячо воскликнул Проша. — И делайте что хотите, будете вольными!.. Ведь я не тако-о-ов...

Василий посмотрел на него со странной жалостью. Бережно, как няня, стер с щек заревавшего барчука слезы. Вздохнул.

Да тихо произнес:

— Ты вырастай поскорее, хозяин. А там посмотрим.

...Обратно, в поместье, шли уже невесело. Разговаривали мало, и были те разговоры — так, сплошь притворство. Василий, пытаясь приободрить Прошу, предлагал идти часть пути через лес, что простирался по левую руку. Поискать грибов, потом — белок, найти самую темную из них — князька. Но Проша мотал головой: хватит уж развлекаться, надоело. Солнечный свет мерк, дело шло к вечеру. Хотелось спать, есть... пряничка сладкого...

Однако вскоре случилось непредвиденное.

Молчун вострепнулся и застыл, приподняв одну лапу, а из груди его, как предвестие грома, донеслось глухое рычание.

— Эй? Что это с тобой? — нахмурился выжлятник, тоже остановившись.

Но гончая вдруг рванула с места — и напрямик в лес. Мгновение, и она скрылась из виду.

— Молчун!..

Пес, прежде вежливый, послушный, даже не отозвался.

Вполголоса ругнувшись, Василий бросился было за ним, но опаматовался: вернулся к Проше:

— Барин, я тебя до дому доведу, а потом...

— погоди! — Востроглазый Проша указал рукой. — Вон же он, у самой кромки носится! Где березка сло-манная!

И правда: пес оказался недалеко. Скоро они отыскали его в тени деревьев, где Молчун скакал и кружился подле...

— Это что? Гнездо глухаря? — удивился Проша, разглядывая находку.

— Нет, глухари такие не делают... — задумчиво протянул Василий. — Большое, смотри-ка...

И точно: в таком, если подумать, и сам Проша уместился бы. Или три Проши.

— А может, волчье? Ты говорил, волчица гнездо вьет, да?

— Нет, барин, волчьи гнезда не таковы, — мотнул головой выжлятник. — Это название для красного словца, а на деле — яма, нора... всякое-разное...

В странном гнезде тоже было всякое-разное. Проша успел разглядеть плотно уложенные ветки с колючками, белесые поганки, мох и комья плесневелой земли; пух непонятный, лишайник, перья. А потом Василий ухватил Молчуна за ошейник и потянул за собой.

— Все, насмотрелися. Домой!

Старший друг так и не смог сказать Проше, чье то было гнездо. Какую птицу или зверя Молчун унюхал. Сказал, у мужиков потом спросит, вдруг кто знает.